

Воробьев Антон

ВЕЛИКИЙ ВОЙД



16+

АНТОН Воробьев

Великий Войд

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Воробьев А. А.

Великий Войд / А. А. Воробьев — «ЛитРес: Самиздат», 2019

В самом сердце вселенной, за кружевной вуалью из галактических нитей, простирается огромное пространство, в котором нет ни звёзд, ни планет – Великий Войд. В этой темной бездне однажды появляется человек...

© Воробьев А. А., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

В оформлении обложки использована авторская иллюстрация и изображения с сайта <https://pixabay.com/> по лицензии СС0.

Это место, никогда не знавшее жизни, не ведало также и что такое смерть. За те тысячи лет, что я провел здесь, старуха с косой ко мне так и не явилась. Моё тело стало твердым и негнушимся, словно стекло, я давно не мог даже моргнуть, не говоря о том, чтобы пошевелить рукой или ногой. Великий Войд, в центре которого я оказался, обездвижил и отнял дар речи, словно заволаживающий пейзаж, внезапно раскрывшийся перед впечатлительным путником. Бездна пространства, простиравшаяся по всем направлениям на миллиарды световых лет...

– Горин!

Слово отразилось от высоких сводов зала и отправилось гулять между арок и колонн.

– Здесь, – поднял руку я.

– Вы в паре с Лесковой идёте в третье правое крыло.

– Ясно.

Я скосил глаза на Оксану Лескову, симпатичную девушку в салатовом комбинезоне. Кажется, она работала в группе контакта, занималась изучением аборигенов.

К научной экспедиции на Чибисе я присоединился всего неделю назад и успел близко познакомиться только со своими напарниками. Пора расширять круг общения. Как говорится, не было бы счастья...

Руководитель археологической группы Пеничев распределил всех по маршрутам и в качестве напутствия сообщил:

– Иногда в коридорах попадаются провалы и трещины. Осматривайте их внимательно. Ребенок мог упасть туда и потерять сознание. Через два часа к нам подтянутся дроиды биологов, тогда дело веселее пойдет. Давайте, коллеги, удачи, не будем терять время.

Ученые мужи и дамы покивали и заторопились к высоким проемам коридоров. Все были в люминесцентных комбинезонах, с мощными фонарями в руках. Несмотря на то, что крыша древнего сооружения была дырявой и сверху тут и там падали снопы дневного света, местами все же попадались темные залы и переходы.

Третье правое крыло оказалось довольно оживленным местом. Много лет назад часть стен здесь обрушилась, открыв для окружающего леса вход в громадные помещения. Сейчас сумрачные залы, галереи и коридоры населяли деревья и лианы. По корням и ветвям сновали шестипалые псевдомакаки, в опавшей листве под ногами копошились мелкие грызуны, в кроне под высоким – тридцатиметровым – потолком мелькали бело-желтые пчелы.

– Я, конечно, понимаю интерес мальчишек к развалинам, – поделилась Оксана. – Приключения, тайны, сокровища – сама по заброшенным станциям на Люпине лазала в детстве. Но чего их сюда-то тянет? Здесь смотреть не на что, – повела она лучом фонаря по увитым растительностью стенам. – Ни надписей, как в Доме Трех Рек, ни картин как в Полусумке. Обычный Дом Снов, каких на Чибисе сотни. Вот вы бы, Станислав, заинтересовались этим зданием?

Признаюсь, мне польстило, что Оксана помнила мое имя. Пеничев, который неделю назад представлял нас, новичков, на общем собрании научного городка, наверняка его уже забыл.

– Ну... для землянина тут все интересно, – смущенно улыбнулся я. – В Трех Реках и Полусумке я не был, для меня и Дом Снов – диковинка. Вон он какой огромный, – направил я свой фонарь вверх, к потолку.

В сумеречном свете, лющемся через проломы в стенах, луч фонаря растаял, так и не дотянувшись до сводов коридора, по которому мы шли.

– Вы-то – ладно, – махнула рукой Оксана. – Но мальчишки тут выросли. Неужели они не могли найти что-нибудь полюбопытнее, чем это место? Все равно что исследовать заброшенные спальни, когда рядом – музеи и аттракционы.

– Зато здесь можно играть в индейцев, – заметил я.

– В индейцев можно играть везде, – парировала девушка. – Кстати, странно что Артем один сюда забрался. Обычно вся их компания в переделки попадает.

– У него ведь был с собой запас еды? – уточнил я.

– Да, какой-то был. Он, конечно, неслух, но не дурак.

– Уверен, с ним все хорошо, – заявил я.

В ответ донесся вздох:

– Я плохая сестра. Забыла о братике на своей дурацкой работе.

– Вы слишком самокритичны, – возразил я.

– Нет, все так и есть, – покачала головой Оксана.

Она выглядела такой хрупкой, что мне захотелось обнять её и погладить по светлым волосам.

– Расскажите про аборигенов, – попросил я.

– Вы, должно быть, их видели, – пожалала плечами девушка. – Большие эфирные рыбы.

– Как вам удастся с ними общаться?

– Никак, – хмыкнула Оксана. – Семь лет уже пробуем. Иногда мне кажется, что мы просто теряем время. Если бы не настенная роспись в Полусумке, я бы сомневалась, что у этих рыб вообще есть разум.

– Неожиданное заявление от ученого из группы контакта.

– Пожалуй, – улыбнулась она.

«Какие милые ямочки на щеках! – подумал я. – Надо сказать что-нибудь смешное, чтобы полюбоваться ими ещё разок. Черт, как назло, ничего не приходит в голову...»

– А вы чем занимаетесь? – спросила Оксана.

– О, ну... у меня не такая интересная работа, – дьявол, это прозвучало как сарказм. – Я настраиваю биотехнику.

– Думающие грибы?

– Да, их тоже.

– Посмотрите потом наш старенький гриб? Он у нас такой тугодум – ужас просто. Иногда приходится по полдня результаты расчетов ждать.

– Конечно, – к таким просьбам я давно привык.

Мы продвигались по третьему правому крылу Дома Снов, осматривая высокие залы. Раз в десять минут на связь выходил Пеничев, спрашивал обеспокоенным голосом, не нашли ли мы каких-нибудь следов мальчугана. Судя по всему, пока никто из нашего наспех сколоченного поискового отряда ничего не обнаружил.

– Темновато, – констатировал я, когда мы вошли в очередное громадное помещение.

Лучи фонарей скользнули по стенам и выхватили из мрака длинные прозрачные плавники, десяток черных глаз на широкой голове и двухметровые шипы. Я шагнул вперед, прикрывая Оксану. И только через секунду сообразил, что чудище, напоминавшее гигантскую рыбу крылатку, вряд ли на нас нападет.

Это был абориген. Он находился в центре зала, висел над полом и шевелил плавниками. По прозрачному телу от зубастого рта к хвосту неторопливо ползли разноцветные пятна. А перед ним, задрав голову и заложив руки за пояс, стоял мальчик.

– Артем! – бросилась девушка к ребенку.

Тот обернулся и посмотрел на Оксану. Странно, но это заставило её остановиться.

– Горин, – прозвучал в наушнике голос Пеничева.

– Да, Александр Евгеньевич, – отозвался я, – мы тут как раз...

– Возвращайтесь, нашелся наш путешественник. Сам домой пришел. Сейчас Тихомиров связался со мной, говорит, малец уже полчаса по поселку шляется.

– Но мы...

– Сбор у входа, не мешкайте, – отключился.

– Как тебя зовут, мальчик? – с ободряющей улыбкой спросила Оксана.

Свет от наших фонарей слепил глаза ребенку, заставляя его щуриться и выставлять ладошку перед лицом.

– Чингачгук, – ответил он.

Я смотрел в черную бездну словно в зеркало. День за днем безграничная пустота наполняла меня, вымывая все мысли и желания словно ненужный мусор. Здесь, в беззвездном чертоге, царило королевское безмолвие. Конечно, где-то там, за прорвой парсеков, были галактики со звездами, но их свет был таким слабым, что мои глаза его не улавливали.

Великий Войд пребывал в покое, не обращая внимания на суету жизни возле своих границ. Подобно глубинам океана, на поверхности которого бушуют шторма и плавают корабли...

Туристический лайнер «Серенити» вышел на орбиту Земли и повернулся белым блестящим боком к голубой планете. Пассажирам перед посадкой предлагалось полюбоваться видом на родину человечества. Обзорные площадки возле широких иллюминаторов заполнились яркой толпой туристов, вооруженных мнемовизорами.

– Идем, индеец, – потрепал я мальчугана по темным волосам. – Посмотришь на мою планету.

Мы оставили Оксану собирать наши вещи в чемоданы и вышли из каюты. Людей из команды Сокурова, начальника Оксаны, среди туристов видно не было. Наверное, строчат сейчас докторские, решил я. Наш юный Маугли обеспечил им прорыв в исследованиях аборигенов Чибиса. Сокуров не стал дожидаться планового рейса с Земли, ему не терпелось представить «ценную находку» пред светлы очи академиков, так что он выбил несколько мест на проходившей мимо нас «Серенити». Сама «находка», к слову, пожелала, чтобы в сопровождающих были те, кто её обнаружил.

– Купишь мне мороженое? – спросил мальчуган.

– Конечно, Чинги, – ответил я.

Своего настоящего имени ребенок не помнил. Индейским его наградили Артем, когда нашел ровесника в заброшенном Доме Снов. А квалифицированных детских психологов, способных докопаться до подсознания мальчика, на Чибисе не было.

Мне вспомнилась беседа с Пеничевым накануне нашего отлета. Глава группы археологов тогда поинтересовался:

– Мм... Станислав, вам во всей этой истории ничего не кажется странным?

– Помимо того, что семилетний пацан общается с эфирными рыбами? – попробовал пошутить я.

– Да, помимо, – не принял мой тон ученый.

– Ну, – собрался я с мыслями, – он отлично говорит по-русски, что удивительно для ребенка, которого вырастили инопланетяне. Ещё – насколько я понял, на Чибисе не было случаев пропажи детей. Да и взрослые тоже не терялись. Поэтому непонятно, откуда он вообще взялся. Если, конечно, на планету не прилетал какой-то корабль, о котором нам ничего неизвестно.

– Есть ещё одна странность, э-э... Станислав, – почесал свою бровь Пеничев. – Странно, что его нашли именно вы.

– А что в этом такого? – удивленно воззрился я на археолога. – Это просто случайность. Не мы с Оксаной, так кто-нибудь другой рано или поздно нашел бы пацана.

– Мм... не уверен, не уверен, – покачал седой головой Пеничев. – Этот Дом Снов наша группа исследовала вдоль и поперек. Буквально месяц назад я был в том зале, где вы встретили аборигена. А знаете, Станислав, почему мы так хорошо изучили этот Дом?

– Почему?

– Потому что нам, археологам, разрешают копать только в тех сооружениях, которые уже давно заброшены. В которых уже давно не появляются местные жители. А вы с Оксаной не только ребенка там нашли – следов которого мы, археологи, не заметили, – но и повстречали аборигена, которого там и быть-то не должно.

– Совпадение, – пожал плечами я. – Рыба с пацаном там встретились, а мы с Оксаной их застукали. И, кстати, Чингачгука, не мы первыми нашли, а Артем. Неделю назад, если верить этому сорванцу.

– Тут вы правы, Станислав, – почесал короткую седую бороду Пеничев.

Не знаю, на что главный археолог Чибиса пытался намекнуть, но тон его мне не понравился. Будто он меня обвинял в чем-то.

Мы с Чинги поели мороженое, поглазели на моря и континенты Земли, купили несколько сувениров на память о путешествии и вернулись к Оксане.

– Уважаемые пассажиры, – заструился сквозь переборки лайнера голос стюардессы, – мы готовимся к посадке в космопорту Таллахасси, штат Флорида. Пожалуйста, займите свои места в каютах.

– Надеюсь, там не слишком жарко, – вздохнула Оксана, перебирая платья в шкафу. – У меня все летние вещи сто лет как из моды вышли.

Я хотел состричь насчет жары и моды, но не успел: «Серенити» сотряс удар, а через секунду спасательная автоматика загерметизировала нашу каюту и выбросила её в открытый космос.

Нас швырнуло на одну из стен, вжало ускорением в гладкие панели, оглушило ревом двигателя и до костей протрясло вибрацией от его работы. Всё это длилось секунд десять, потом шум резко прекратился и наступила невесомость.

Когда первый шок прошел, мы обнаружили, что парим посреди каюты в окружении чемоданов и мелких вещиц из женской косметички. К счастью, мебель оказалась прикрученной к стенам и полу, поэтому столкновения со шкафами и кроватями нам не грозили. Каюта медленно вращалась. Освещение, мигнув пару раз, погасло. В наступившей темноте единственным источником света оставался небольшой иллюминатор, в котором сейчас медленно проплывала Луна.

– Все живы? – спросил я, постаравшись придать голосу бодрость.

– Меня мутит, – пожаловалась Оксана. – Можно сделать так, чтобы стены не вращались?

– Все хорошо, – отозвался Чинги.

– Это – верный настрой, – похвалил я ребенка. – Не пугайтесь, нас скоро спасут. Орбита Земли – оживленное место, об аварии уже наверняка знают все, кому положено.

– Что это вообще было? – спросила Оксана.

Она кривила лицо, стараясь сдерживать тошноту, я решил найти ей какой-нибудь пакет и полез в чемоданы, раскидывая вещи вокруг. Иллюминатор тем временем повернулся к диску Земли, залив обстановку голубым светом. На фоне океана и циклонов блестела белая розочка – туристический лайнер с развороченным носом. Вокруг него расходилось в стороны облако черных точек – каюты пассажиров.

– Похоже на взрыв, – негромко пробормотал я.

– Это племя ирокезов, – убежденно сказал Чинги. Он прижался носом к стеклу, высматривая крохотные искорки спасательных ботов. – Они нас выследили. Но – ха! – промахнулись. Дураки, – добавил он с презрением.

– Кто бы там ни был, – протянул я пакет из-под чипсов Оксане, – ирокезы или неисправный ионный модуль, главное – мы живы и здоровы.

– Они не отстанут, – Чинги повернулся ко мне с серьезным выражением лица. – Это только начало.

И малец оказался прав. Взрыв туристического лайнера над Землей вошел в историю как «инцидент Серенити», с которого началась война с энвами.

Созерцая год за годом нечто настолько необъятное и грандиозное, как Великий Войд, поневоле начинаешь сравнивать с ним те повседневные вещи, дела и заботы, которые окружали тебя раньше. И сравнение выходит не в пользу последних. Если на линейке самое малое деление – парсек, то все интересы и проблемы, казавшиеся такими важными и глобальными, превращаются в неразличимую для глаза пыль. Трудно стоять перед бездной и помнить при этом о подтекающем кране на кухне.

Великий Войд дробил, измельчал и растворял в себе мое сознание, забирая глупые тревоги и даруя взамен свою глубину. Непредставимо большое насыщало собой непредставимо малое...

– Кто такие эти энвы?

Я отвлекся от новостного репортажа на экране вагона и обернулся на голос: спрашивала женщина в клетчатом платье, с белым платком на голове. Судя по ведру кабачков у неё в ногах, она ехала в город из какой-то глубинки.

– Да это журналисты придумали, – тут же ответила ей соседка по стрим-вагону, дама необъятных размеров, чье кресло, силясь приспособиться к параметрам пассажира, раздалось вширь на два с половиной места. – Никто ж ничего не знает, как обычно.

– Народ мутят, – вступил в разговор крепенький старичок в шляпе. – Сами ничего понять не могут, вот на инопланетян и спихивают. А чтобы не ссориться ни с кем из Содружества – новую расу выдумали. И мы теперь вроде как воюем, хе! С кем только?

– Так кто они такие, энвы эти? – не услышала ответа на свой вопрос женщина с кабачками.

– Да сокращение это, аббревиатура, – подала голос еще одна попутчица, дама в модном жакете. – Неизвестный враг, эн вэ. А сейчас уже просто энвами их называют.

– Вот напасть-то новая, – недовольно проворчала владелица ведра.

– И не го-во-ри-те, – негромко протянула Оксана.

Девушка притомилась за долгий день, наполненный разговорами и поездками. Её голова лежала на моем плече, и я, негодяй такой, был поэтому даже рад её усталости. Нашего подопечного, однако, расспросы ученых мужей о расе эфирных рыб, медицинские анализы и беседы с детскими психологами ничуть не утомили. Чинги с любопытством поглядывал то на зеленые леса за окнами, то на пассажиров, то на экран с новостями.

Новости в последнее время смотрели все. Постоянно. Даже Сокуров во время доклада перед Комиссией по контактам нет-нет да и бросал взгляд на экран своего смартфона. Война всегда привлекала повышенное внимание. А война с энвами, что бы там ни говорили старички в шляпах, шла. И затрагивала каждого.

– Они нас потеряли, – заявил Чинги, дослушав репортаж об аварии на термоядерной станции под Самарой. – Я запутал следы. Теперь ирокезы бьют куда попало.

По правде сказать, эта игра в индейцев мне уже порядком надоела.

– Нет никаких ирокезов, – раздраженно сказал я. – Это не книга Купера, а реальная жизнь.

– Ха-ха! – неожиданно рассмеялся малец. – Вот именно, Стас! – он вскочил со своего места, взял меня за плечи и пристально посмотрел мне в лицо. – Реальная! – черные глаза

воспитанника эфирных рыб сверкали весельем. – Здесь, на Земле, ирокезы стали слишком реальными! Могикане наконец-то смогут отомстить!

В игре Чинги могиканами были рыбы, которые его вырастили. Я вздохнул. В конце концов, что взять с семилетнего малыша, пусть играет.

– Скоро мы приедем? – сонно поинтересовалась Оксана.

– Минут через десять наша станция, – ответил я.

И в следующий момент, словно в насмешку над нашими планами, стрим-вагон издал протяжный звук, начавшийся с высокой ноты и опустившийся до утробного урчания. Пролетев по инерции несколько сот метров, транспорт замер, грузно улегся на магнитный рельс и раскрыл многочисленные двери.

– Приехали, хе! – констатировал старик в шляпе. – Конечная.

– Как конечная? – не поняла женщина с кабачками. – До центрального рынка не идет что ли?

– Сегодня, видимо, нет, – глубокомысленно заключил я.

– Уважаемые пассажиры, – донеслось с мониторов, – в связи с неполадками на энергостанции Ярославля мы вынуждены прервать эту поездку. В целях обеспечения вашей безопасности просим вас покинуть вагоны стрим-транспорта. Вы можете воспользоваться услугами маршрутного автобуса, остановка которого находится в пяти километрах далее по пути следования. Приносим вам извинения за доставленные неудобства.

Под аккомпанемент поднявшегося возмущенного гвалта мы с Оксаной и Чинги вышли из вагона.

Вокруг высились сосны, пахло хвоей и горячим железом. Напуганные транспортом птицы приходили в себя и издавали робкие трели. Вдоль путей в сторону города тащился робот-обходчик.

– Ну что, молодежь, прогуляемся? – бодро спросил старичок.

Он стоял в дверях вагона, сдвинув шляпу из соломы на затылок и улыбаясь во все тридцать два зуба. За плечами у него висел огромный рюкзак.

– Тут идти-то – нет ничего, – продолжил дед, спускаясь с подножки. – До сумерек успеем, – убежденно заявил он и зашагал вперед, вдоль магнитного рельса.

Народ постепенно вылезал из стрим-транспорта на свежий воздух, оглядывался, жаловался, ругался, брал в руки вещи и топал вслед за старичком. Длинная рыхлая лента из людей растянулась на сотни метров, мы шли где-то в её середине, с той скоростью, на какую была способна Оксана в своих босоножках.

– Вот же энвы проклятушие, – высказалась женщина с ведром кабачков. Она догнала нас и шагала теперь рядом. – И сюда добрались. Не зря мы с мужем на хутор уехали, подальше от всей этой техники.

– Скоро все туда переедем, к вам на хутор, – отозвалась дама в жакете. – Будем белье в речке стирать и лучины жечь.

– Да у нас места столько нету! – простодушно возразила собеседница. – Куда ж вас всех селить?

– Стас, – посмотрел на меня Чинги, – у меня странное чувство.

– Что случилось? – немедленно спохватилась Оксана.

– Словно меня приподняли над землей, – задумчиво проговорил малыш. – И я не могу идти, потому что не достаю ногами до дороги.

– Укачало, – покосилась на ребенка мадам с ведром.

– Стас, ты сможешь мне охотиться? – спросил воспитанник эфирных рыб.

– На комаров? – прихлопнул я наглое насекомое у себя на лбу. – Они только этого и ждут.

– На ирокезов.

– На ирокезов я не умею, – ответил я. – Давай лучше на рыбалку завтра сходим. Я попрошу у Сокурова выходной. Утром достанем удочки, червей накопаем – и на речку.

– Ты умеешь, – мотнул головой Чинги. – Вожди сказали, что ты – Зверобой.

– Вожди так сказали? – переспросила Оксана.

– Всегда хотел быть Зверобоем, – подмигнул я девушке.

– Зря я Артему книжки про индейцев давала, – вздохнула Оксана. – Он ведь Чинги всю голову ими забил. «Вожди», «ирокезы», «могикане». Хорошо хоть трубку мира курить не додумались.

– Нет, не зря, – не согласился я. – Но ты права насчет головы. Ребят надо в школу устроить, обоих.

– Братик уже год учится, – ответила Оксана. – Удаленно.

– Я тоже учился, – заявил Чинги. – Вожди каждый день учили меня как выследить врагов. И как сбить их со следа. Я пытался показать Артему, но он не замечал тропинок, по которым я ходил. Думаю, Зверобой справится лучше, – он вытянул тонкую руку вверх и ободряюще похлопал меня по плечу маленькой ладошкой. – Надо нам менять тактику. Я установил ловушку для ирокеза у тебя в голове, Стас. Всё, что от тебя требуется – вовремя её захлопнуть.

Мы, между тем, всё шагали вдоль магнитных рельсов, окруженные случайными попутчиками. Многие надеялись, что электричество в Ярославле скоро починят, стим-транспорт включится, догонит нас и довезет до города. Но вместо этого красные огоньки на рельсах мигнули и погасли.

– Мне кажется, я где-то ошибся, – успел сказать Чинги.

А потом широкие полосы металла, убежавшие вперед, в светлый коридор просеки, заскрежетали, изогнулись в тяжелых корчах, выскочили из креплений, подпрыгнули вверх и с грохотом взорвались миллионами осколков. Тяжелая шрапнель испещрила гравийную насыпь со шпалами, траву, кусты и стволы сосен. И людей. Взрыв отшвырнул пассажиров от магнитных путей, разделив людскую толпу на две равные половинки и окрасив одежду в бордовый цвет.

Оглушенный, я лежал на земле. Сквозь мутный туман в голове медленно проступало осознание того, что сейчас произошло. Кажется, мою руку сжимали пальцы Оксаны. Кажется, Чинги неподвижно лежал на моем боку. Я силился открыть глаза, но не мог. Тонкий звон поселился в моих ушах и не желал стихать. Кажется, пальцы Оксаны разжались...

Когда через несколько часов на поврежденный участок путей прибыли спасатели, земля вокруг лежавших на ней людей превратилась в бурю грязь. Из полутора сотен пассажиров в живых осталось только несколько человек. К сожалению, в числе выживших был и я.

«Мой мир перевернулся». Тысячи лет назад я мог бы сказать что-то в этом духе. Миры людей переворачиваются время от времени, особенно если стоят на шатком основании. Но здесь и сейчас, в объятиях Великого Войда, мне бы в голову не пришло ляпнуть подобную глупость.

Мой внутренний мир наполняли парсеки пространства, и никакие события не смогли бы сдвинуть его даже на миллиметр. Безбрежная пустота стала фундаментом, настолько прочным, что он мог выдержать тяжесть любого мира. Великий Войд вытесывал камни из этой пустоты и складывал их в несокрушимое здание, украшая его картинами воспоминаний...

– Ну-с, как наше настроение, Станислав? – бодрым тоном осведомился врач.

– Нормально, – буркнул я.

– Нуте-с, нуте-с, что у нас с давлением, где наша М-грамма?

– Вот, Алексей Сергеевич, – с готовностью подала результаты анализов медсестра.

– Так-так-так, ну что ж, неплохо, Станислав, неплохо. Местами даже хорошо, – подмигнул мне врач. – Сердечно-сосудистую мы вам подлатали, мышечный тонус приходит в норму.

Через день-два можно вас выписывать. Галлюцинации больше не повторялись? Помнится, вы нам что-то про каких-то медуз рассказывали.

– Нет, – соврал я. – Медузы были бредом.

– Ну, значит, и с головой все в порядке, – добродушно заключил Алексей Сергеевич. – Давайте-ка напоследок ещё вот эти анализы сдадим, – потыкал он пальцами в планшет медсестры. – На всякий, на пожарный.

Доктор помурлыкал себе под нос, назначая процедуры, рассказал бородатый анекдот и ушел в другую палату, а медсестра принялась цеплять на меня датчики.

– Чем займетесь после выписки, Станислав Олегович? – приветливо улыбнулась она мне.

– Есть одно дело, – туманно ответил я.

– Вам, прежде чем делами заниматься, надо силы восстановить, – наставительно сказала девушка. – Вы бывали на Плещеевом озере? Съездите обязательно, там такие красоты!

Мне в вену воткнулась игла, шприц начал заполняться кровью.

– Сейчас стало безопасно, – продолжила медсестра. – Энвы отступили, новых нападений уже полгода нет. Вчера как раз программу смотрела, там сказали, что ваш случай со стрим-транспортом был последней атакой. Как думаете, война уже закончилась?

Я посмотрел в окно, на гигантскую медузу в небе, потом – на девушку в бирюзовой шапочке. Наверное, надо было её успокоить, сказать, что да, закончилась, мы выстояли, энвы сломали о нас зубы и ушли, несолоно хлебавши. Произвести впечатление оптимиста. Ведь она так старалась меня подбодрить. Но все эти разговоры о прекращении войны и, даже, чуть ли не о победе землян меня уже порядком достали.

– Нет, – сухо ответил я. – Не закончилась.

– Чрезвычайное положение отменили, – поджала губы медсестра. – Жизнь налаживается. И у вас всё наладится.

Обиделась. Я дождался, когда она уйдет, слез с больничной койки и взгромоздился на тренажер. Мышцы были вялыми, сказывался долгий постельный режим. Я установил нагрузку на «среднюю», взялся за «руль» и закрутил педали. Хотелось отвлечься от мрачных мыслей.

Медузы. Первое, что я увидел, когда очнулся в больнице. Тысячи крошечных существ, с длинными и тонкими, словно паутинки, щупальцами. С филигранными узорами на прозрачных купольцах. Они неспешно проплывали через палату, мимоходом касаясь стен, мебели и медицинского оборудования, своим вояжем напоминая человека, который в задумчивости обходит комнату и поводит рукой по подвернувшимся вещам. Одна из медуз протянула тогда свое тонкое щупальце к моему лицу. Я вжал голову в подушку и попытался отмахнуться от прозрачного существа. Оторвал несколько датчиков, порвал рукав, сбил на пол капельницу. На медузу мои судорожные взмахи не произвели впечатления, она с легкостью ускользала от ударов. А потом из моей головы вылезло такое же длинное щупальце и отогнало назойливую гостью...

Медсестры сказали, что своими криками я напугал все отделение. Я бы посмотрел на того, кто не закричал бы на моем месте. Такого ужаса я не испытывал ни разу в жизни.

Некоторое время я думал, что схожу с ума. Другие люди не видели медуз, не ощущали прикосновений их ажурных тел, не слышали странного запаха озона и кипящего железа. Но потом в моей палате сломался кондиционер. Кондиционер был старым, всё списали на износ деталей. И я бы тоже так подумал, если бы своими глазами не видел, как внутри него копошилась медуза размером с дыню. «Закончилась война», милая девушка? Нет, это просто передышка в боевых действиях.

Я перестал крутить педали на тренажере – накатила усталость, дышалось с трудом. Со лба лился пот, щипало глаза. Надо разыскать их могилы. Я должен найти в себе силы посмотреть на их могилы. Энвы должны поплатиться за их смерть. Враг, застрявший в моей голове, должен умереть.

Говорят, смерть – великий уравниватель. Для неё нет никакой разницы, кто вы – инженер техподдержки из Ярославля или глава Иерархии энвов, чей «купол» по размерам превышает Юпитер.

Жизнь в этих вопросах более разборчива. Ей трудно угодить.

В сердце Великого Войда объектом интереса для жизни и смерти был только я. И потому мои мысли и желания имели здесь больший вес, чем кластеры из тысяч галактик. В беззвездной бездне всё имело значение...

Медуза, над которой я решил поэкспериментировать, была величиной с теннисный мяч.

Старый приятель разрешил мне пожить на его даче – она располагалась довольно далеко от города, можно сказать, в дикой местности. Сам он выбирался туда редко, соседи по участкам – еще реже. Там я мог делать все что захочу без лишних глаз и обоснованных вопросов, наподобие «А что это вы, дяденька, палкой по воздуху бьете и матом микрокухню кроете? Не употребляете ли вы каких веществ психотропных?»

Я боялся, что мне придется ждать недели и месяцы, пока какая-нибудь медуза не залетит случайно в этот дачный поселок. Но опасения развеялись, как только я вылез из такси: энвы уже были здесь, небольшая стайка деловито проплыла мимо, направляясь к трансформаторной будке. Не знаю, что их так привлекало в земной технике... Проводив их злобным взглядом, я пошел в дом распаковывать чемоданы. Предстояло собрать несколько устройств и настроить кое-какие приборы. Носиться за врагами с грозными воплями и палкой наперевес, как показала практика, было бесполезно. В деле поиска оружия для победы над энвами требовался основательный подход.

– А вот и мы, – пробормотал я себе под нос, наблюдая как медуза полезла в старый музыкальный центр, который я поставил на столик в беседке. – Ну-ка, выясним, как нам нравятся электроразряды? – повернул я выключатель.

Конденсатор на краю стола разродился высоковольтной молнией, пронзившей медузу насквозь. Энв замер на мгновение, но потом продолжил копаться в музыкальном центре. Одно из его тонких щупалец вытянулось в сторону конденсатора, но я не дал ему прикоснуться к устройству – из моего лба вылезло такое же щупальце и шлепнуло по загребущим ручонкам пришельца:

– Оборудование не тронь.

Что ни говори, медуза в моей голове помогала исправно. Я подозревал, что именно из-за неё вообще мог видеть энвов. Тот странный факт, что она подчинялась моим желаниям и действовала против своих сородичей, для меня оставался необъяснимым. Но грех было не воспользоваться такой ситуацией.

– Ладно, как насчет импульсного излучения? – нацелил я промышленный лазер.

Луч проделал дыру в стальной опоре беседки и поджег сухую траву возле помидорных грядок. На подопытную медузу лазер впечатления не произвел.

Пока я бегал с ведром за водой и заливал нарождающийся пожар, энв ретировался. К счастью, в установленные вокруг стола приборы и инструменты он соваться не стал. Не знаю, сколько времени у меня бы занял поиск нового оборудования, я и так потратил несколько месяцев на то, чтобы собрать все это хозяйство: ходил по мастерским, лазал по заброшенным заводам и свалкам, тряс знакомых в лабораториях и институтах.

– Ну что ж, – я уселся на плетеное кресло и открыл банку колы. – Два опыта в первый же день. Неплохо, – поздравил я себя и сделал глоток.

Потом обратился к биомодулю, установленному под столом:

– Что-нибудь заметил?

Своящийся огоньками короткий «гриб» развернул над столешницей голограмму с несколькими графиками. «Аномалий не обнаружено» гласила надпись внизу.

– Это *пока* не обнаружено, – наставительно поправил я маленького мыслителя. – У нас ещё длинный список в программе развлечений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.